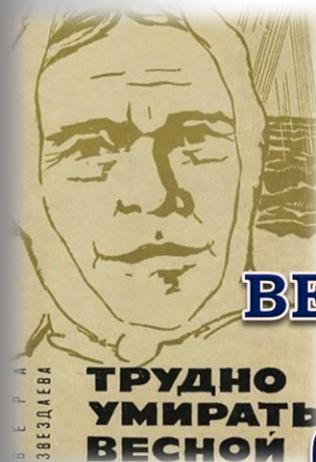

История одной биографии

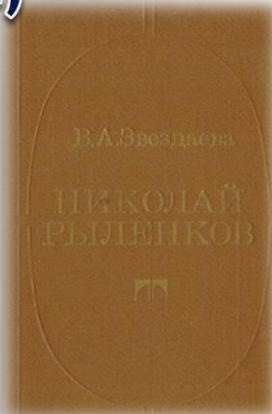
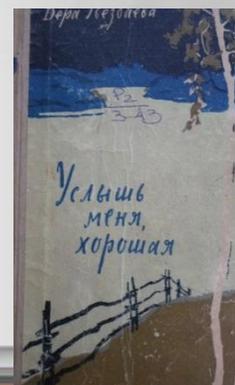
Подготовила: Ермакова Н.М., зав.
справочно-информационным
отделом «Центр правовой
информации» МБУК «Глинковская
Библиотека»

с. ГЛИНКА
2021

**ВЕРА АНДРЕЕВНА
ЗВЕЗДАЕВА
(КОЗЛОВСКАЯ)**

(1921-2010)

Вера Андреевна Звездаева

Родилась 31 января 1921 года в Смоленске в рабочей семье.

Окончила среднюю школу и два курса Смоленского государственного педагогического института. Ещё со школьной статьи начала писать в комсомольскую газету «Большевистская молодежь», став её штатным работником в июле 1941 года.

Участвовала в Великой Отечественной войне. В 1942 году окончила спецшколу и была направлена в партизанский отряд. До 1944 года воевала в партизанском полку под командованием С.В. Гришина.

Редактировала многотиражную газету «Смерть врагам». Впоследствии боевой путь полка нашел отражение в книге «Гришинцы», написанной совместно с М.К. Киряевым и изданной Смоленским книжным издательством в 1958 году. Там же вышла первая её книга «Грачи прилетели» (1954).

Москва. 18 мая 1942 г.
Справа Вера Звездаева

В партизанском полку
«Тринадцать».

Весомый вклад внесла В.А. Звездаева и в смоленскую журналистику. Закончив курсы журналистов при «Комсомольской правде» (1945 г.), с 1945 по 1951 годы она работала в областной газете «Рабочий путь», затем в комсомольской газете «Смена». В 1948 году заочно окончила факультет русского языка и литературы Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина

С 1952 по 1965 годы была редактором Смоленского книжного издательства, где в полной мере проявился дар Веры Андреевны чувствовать слово, требовательно и чутко относиться к авторам.

Повести и рассказы В.А. Звездаевой печатались в Смоленске, Москве, Минске, других городах СССР.

На снимке члены Смоленской писательской организации - В. Звездаева, А. Козырь...

В.А. Звездаева была участницей Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве (в 1956 г.). По рекомендации семинара, руководимого В. Пановой, принята в члены Союза писателей.

Являлась членом бюро Смоленской писательской организации и редактором художественной литературы местного книжного издательства. Ею составлен ряд сборников смоленских поэтов, а также сборник стихов молодых поэтов Российской Федерации. Участвовала в работе Первого учредительного съезда писателей Российской Федерации.

Награждена орденом Отечественной войны 2-й степени (06.04.1985), медалями, в том числе «Партизану Отечественной войны» 2-й степени, «За трудовую доблесть». В 2000 году удостоена литературной премии М.В. Исаковского.

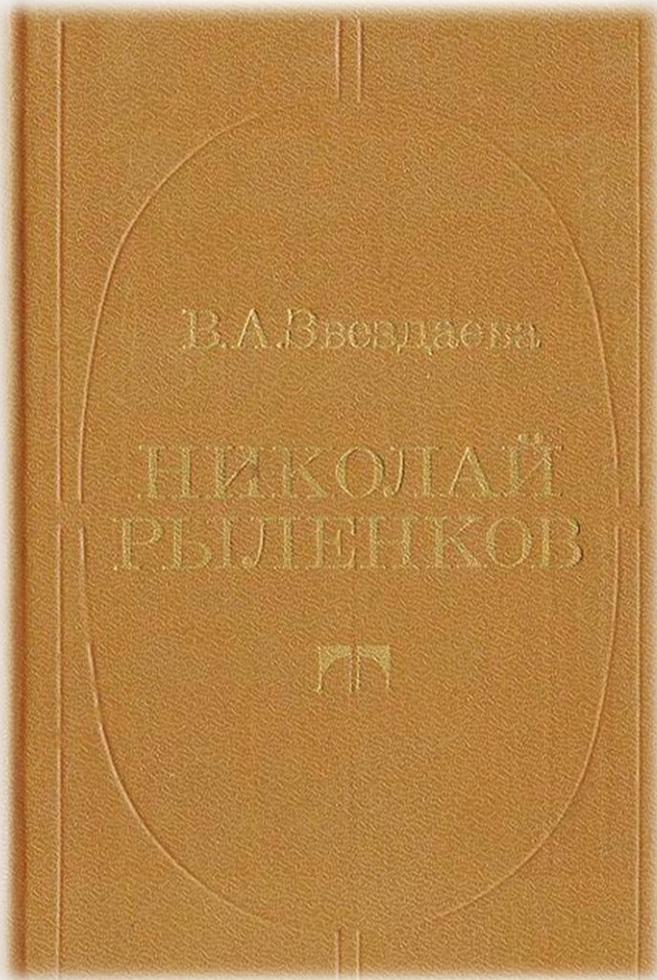
Умерла 7 августа 2010 года. Похоронена на Братском кладбище рядом с мужем, партизаном П.И. Звездаевым.

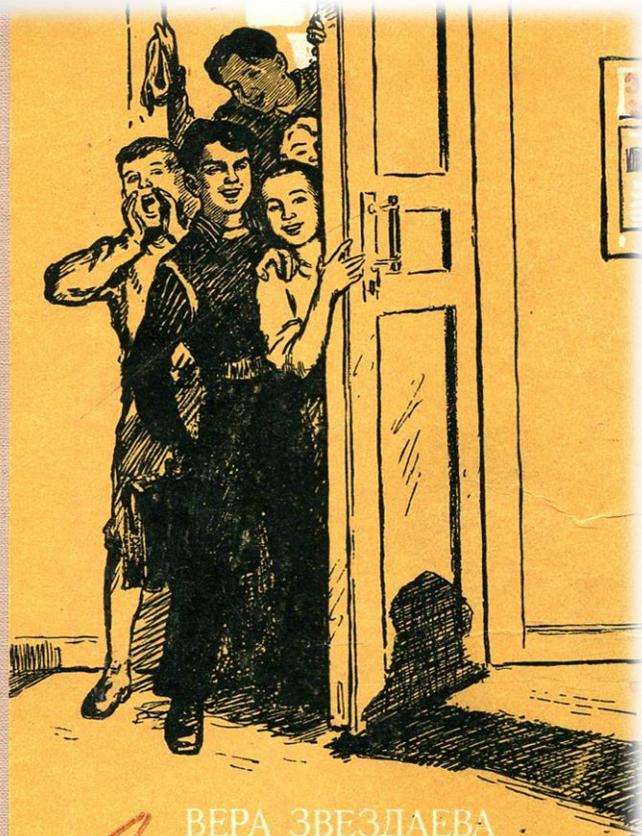
Звездаева В. А. Грачи прилетели : повесть. - Смоленск : Книжное издательство, 1954. - 182 с. - Текст : непосредственный.

Первая книга В.А. Звездаевой «Грачи прилетели» вышла в свет в 1954 г. В ней писательница обобщила свои наблюдения, почерпнутые из жизни редакции комсомольской газеты в первые дни войны и в дни пребывания в партизанском отряде.

Звездаева, В.А. Николай Рыленков / В.А. Звездаева. - Смоленск, 1987. - 256 с. - Текст : непосредственный.

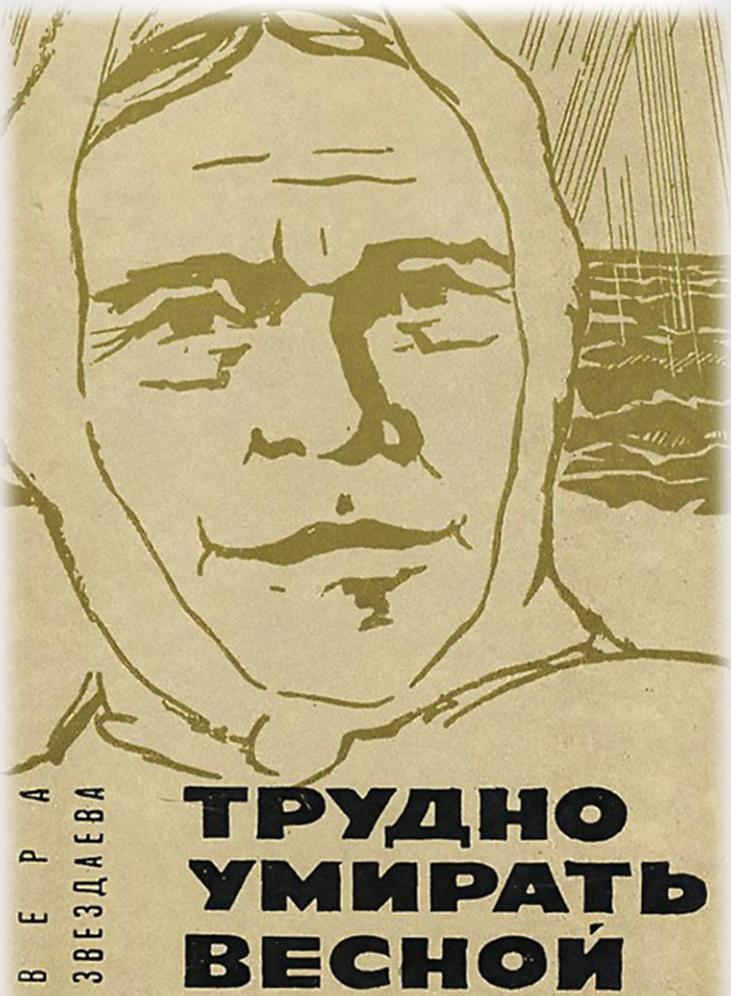
В 1987 году вышла книга смоленской писательницы Веры Звездаевой «Н.И. Рыленков», посвящённая замечательному советскому поэту Николаю Рыленкову. Долгие годы дружбы и совместной работы в смоленском издательстве, писательской организации Смоленска оставили глубокий след в памяти Звездаевой. В эмоциональном, содержательном рассказе о жизни и творчестве поэта автор делится впечатлениями о художнике, являющем собой пример высокой гражданственности.

ВЕРА ЗВЕЗДАЕВА
Главная
ПРОФЕССИЯ

Вторая книга Звездаевой «Главная профессия» посвящена интересной и увлекательной работе пионервожатой в школе. Это произведение вышло в свет в 1956 г. отдельным изданием в Смоленске и в 1957 г. - в издательстве «Молодая гвардия» в Москве.

Звездаева, В. А. Главная профессия : повесть / В.А. Звездаева. – Смоленск : Смоленское книжное издательство, 1956. - 176 с. - Текст : непосредственный.

Звездаева, В.А. Трудно умирать весной / В.А. Звездаева. – Москва : Московский рабочий, 1966. - 264 с. - Текст : непосредственный.

Повесть «Трудно умирать весной» - это взволнованный, участливый рассказ о женщине-доярке Полине Устиновне Господарской, прожившей честную, достойную жизнь. Не жалеющая себя для людей, щедрая душой, Устиновна сумела вырастить без отца детей, спасла и выходила бежавшего из концлагеря командира, стала матерью для перенесшей несчастье девушки.

Мужество сердца, неиссякаемое трудолюбие, житейская, мудрость помогают ей не только справиться со своим личным горем, но и поддержать в тяжёлое время своих сверстниц, стать душой и главной опорой поднятого из руин колхоза.

Смоленскую писательницу Веру Андреевну Звездаеву волновали трудные судьбы людей и, прежде всего женщин, её землячек. Писательница пристально всматривается в разные грани этой темы, задумывается и заставляет задуматься читателя над тем, почему и как возникают препятствия в жизни её персонажей. Анна - главная героиня книги «Человек - для людей». Вместе с ней мы идём по жизни, наблюдаем как она взрослеет, как 17-летняя девчонка становится взрослой женщиной, нашедшей своё призвание. Анна Брежнева как будто обретает себя, когда становится партизанкой-разведчицей. Но приходит долгожданная, так дорого оплаченная победа, и оказывается, что в мирные дни её способности разведчицы не нужны. Не сразу Анна встречает людей, которые угадывают её второе призвание и помогают стать журналисткой. В этой книге невероятно хорошо раскрыта тема жизни простой женщины. Анна нашла своё место в жизни и помогала найти его другим. «Есть у тебя своё место в жизни - и в семье ты богаче; в семье у тебя лад - и работе так много можешь отдать, чего и сам в себе не подозревал.».

Звездаева, В.А. Человек - для людей: роман / В.А. Звездаева. - Москва : Московский рабочий, 1970 г. - 496 с.- Текст : непосредственный.

ВЕРА ЗВЕЗДАЕВА

Смоленская КНИГА

Звездаева, В.Е. Смоленская книга /
В.А. Звездаева. – Смоленск : Смядынь,
2000. - 256 с. - Текст :
непосредственный.

Вера Андреевна Звездаева никогда не разделяла людей по социальному или национальному признаку, но не скрывала: для неё родившиеся в Смоленске входили в особую касту. Лучшим своим произведением считала «Смоленскую книгу», потому что главной любовью Веры Андреевны был древний город Смоленск.

«Смоленская книга» Веры Звездаевой - это гимн городу-герою Смоленску, родословная его улиц и домов.

Это воспоминания о довоенном Смоленске, о знакомых той поры автору людях, школьных и институтских товарищах, увлечениях молодёжи, о первой любви, а также о трудностях и надеждах в непростое время.

В.А. Звездаева

Гришинцы (Из истории
особого
партизанского
соединения
"Тринадцати" Героя
Советского Союза
С.В. Гришина)

В 1958 году в Смоленске вышел документальный очерк о героях-партизанах - «Гришинцы», об особом партизанском соединении «Тринадцати» Героя Советского Союза С. В. Гришина, написанный в соавторстве с М.К. Киряевым.

Киряев, М.К. Гришинцы : очерки / М. К. Киряев, В. А. Звездаева. - Смоленск : Книжное издательство, 1958. - 105 с. - Текст : непосредственный.

Любовь - счастливая и несчастливая, безоблачная и трудная - этой теме посвящено большинство рассказов, написанных Верой Звездаевой в разные годы и вошедших в предлагаемый читателю сборник «Услышь меня, хорошая...».

Рассказ «В разведку шёл мальчишка...» и был «Трудная жизнь? Нет, хорошая жизнь!» посвящены героине партизанской борьбы на Смоленщине.

Звездаева, В.А. Услышь меня, хорошая / В.А. Звездаева. – Смоленск : Смоленское книжное издательство, 1961. - 216 с. - Текст : непосредственный.

Произведения В.А. Звездаевой публиковались на страницах журналов «Звезда», «Неман», «Дон», «Край Смоленский» и других.

А БЫЛО НЕ СОВСЕМ ТАК

Вера ЗВЕЗДАЕВА

Несколько дней не спала после того, как прочла публикацию Н. Илькевича «Смоленские писатели. Как все это было» в «Крае Смоленском». Горько от того, что рядом, пусть и невольно, поставлены имена «заслуженного» доносчика Горбатенкова и Н. И. Рыленкова.

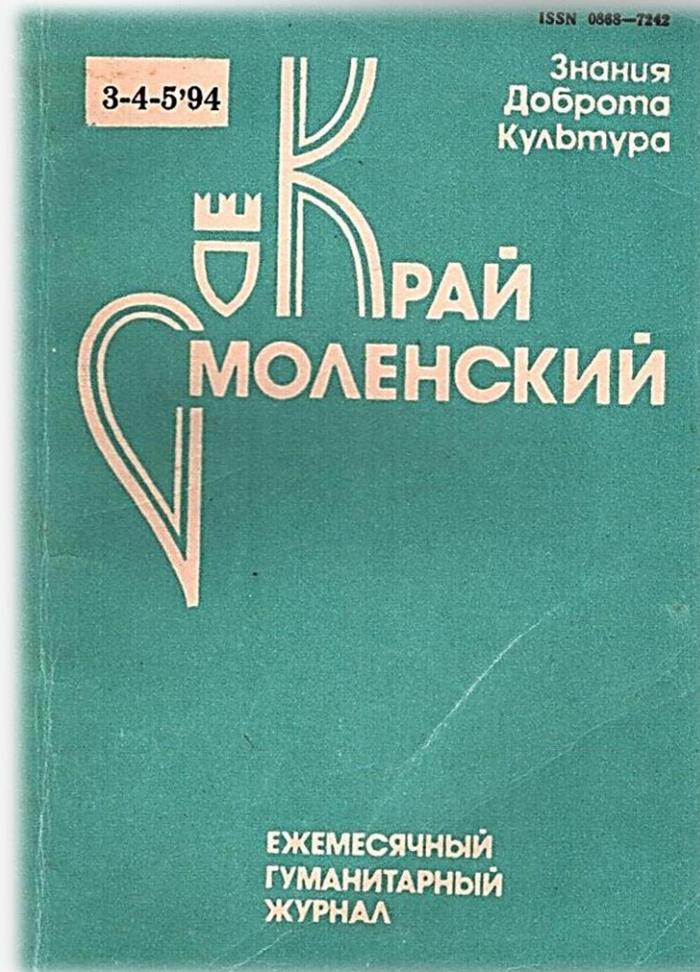
Горбатенков писал доносы со страстью. Правда, Н. Илькевич, когда я с ним разговаривала, аккуратно поправлял меня: не доносы, а заявления. Вот такая терминология, хотя после этих «заявлений» люди исчезали порой бесследно.

Одно уточнение: Горбатенков не был членом Союза писателей.

И чтобы уже не упоминать этого стукача, один штрих. Он жил в общности с одним сокурсником, тот частенько привозил из деревни от родителей сало и колбасу. Горбатенков исправно жрал и то, и другое, а потом ходил по институту и уговаривал студентов написать куда следует на родителей, что они кулаки. Объяснял: только у кулаков есть сейчас сало и колбаса. А то были тридцатые годы...

Публикация Н. Илькевича своевременна, но совсем не из «естественного интереса к знаменитым писателям», а чтобы люди знали, что творило НКВД с народом, в том числе, и с писателями. Не менее важно показать атмосферу 30—40-х годов, когда правил оголтелый произвол. Как ранее такой интернациональный город, как наш, буквально «очищался» от поляков, латышей, белорусов и др. В этом легко убедиться, читая скорбные списки реабилитированных.

Жена Н. И. Рыленкова — Е. А. Цунская — полька, некоторые из ее родственников уже сгнули. Одного за другим сажают знакомых писателей, художников, газетчиков. Пытаются завербовать поэтессу Веру Лютову. Чтобы откупиться от них, не то сказала, не то написала какую-то пустяковину о своих соседях. Их тут же арестовали. Вера Лютова попала в Гedeоновку. Когда приходилось Гуревичу — непременно же по ночам — приезжать на

Звездаева, В.А. А было не совсем так. – Текст : непосредственный // Край смоленский. - 1994. - № 3-4. - С. 242 – 244.

Вера Звездаева

БЕРЕЗОВИК – ЧУДО ВЕСЕННЕЕ

Как жестоки первые беглые взгляды друзей, с которыми ты не встречался с военных лет! Все ты увидишь в них с беспощадной ясностью: и ранние морщины, и седину, и многочисленные хвори, и все то, что пошло наперекосяк в твоей жизни.

Нас разделяют двадцать три года. Срок! Первая неловкость. Как бы знакомство заново. Первые, ничего не говорящие слова. И вдруг интонация, какой-то характерный жест, словечко, памятное с тех пор, – и мы предстаем глазам души прежними, без накладных расходов времени.

Встреча происходит в майском бору, на том клочке земли, где полк попал в блокаду. Где немцы дважды похоронили нас. Тогда, в своих поспешных реляциях – «банда полностью уничтожена». И теперь, через столько лет, в одном из журналов ФРГ.

А мы живы.

– Здравствуй, молодая...

Кто же этот огузлый, с тенями под глазами человек? Не я кажусь ему молодой, это он так зовет издали нашу молодость. Делает вид, что узнал? Или еще можно узнать?

– Ну-ка, ну-ка, а кто я?

– Анька Громов. – несколько даже обиженно выпаливает он.

Господи, да это же Георгий, Жорка, безотлучный адъютант командира, «моя там, где командира...» Сколько, бывало, шуток отпущалось по поводу этого «моя командира», «Анька Громов»...

Сегодня за улыбкой прячешь волнение.

А воспоминания об этих шутках – как первая весточка из страны Молодость.

Стоит в сторонке и ждет момента, чтобы поздороваться со мной: боль моя, беда – Сашка Проскурин, бывший командир конников.

Этого я и сквозь землю увижу, узнаю.

Звездаева, В.А. Берёзовик - чудо весеннее. - Текст : непосредственный // Под часами : альманах. - 2002. - № 1. - С. 24 - 26.

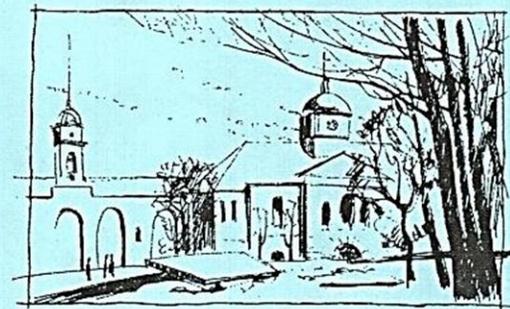
АРХИВ
ДРАМАТУРГИЯ
КРИТИКА
ПРОЗА
ПОЭЗИЯ
ЭССЕ

Литературно-художественный альманах
Смоленского отделения
Союза российских писателей

Издаётся с 2002 года

ПОД ЧАСАМИ

№ 1
2002

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

Е. Богданов, О. Бушко, О. Ермаков,
С. Жбанков, В. Звездаева, В. Иванова,
А. Макаренков, В. Сальковский

ПОЭЗИЯ

Т. Бакланова, Р. Ипатов, С. Капитанов,
А. Короткин, В. Кудрявцев, Л. Кузьмин,
А. Лучин, В. Макаренков, С. Машков,
П. Мельников, Н. Сухарев, И. Хатилин

Вера Звездаева

В Вязьме, в сорок первом...

(из новой книги)

Несколько лет назад я приняла, как скоро стало ясно, совершенно авантюрное решение – писать продолжение «Смоленской книги». А авантюрное потому, что для этого надо иметь, во-первых, хоть минимум покоя, который нам даже не снится. Во-вторых, хотя бы относительную свободу от быта, а он, чем становимся старше, дается все тяжелее. В-третьих, мало-мальски сносное здоровье. Ничего этого у меня нет.

Но ведь можно по возможности записывать отдельные эпизоды, сюжеты, главы, наконец. К этому меня подвели мои «Мимолетные записи», их рождению я всецело обязана Леониду Ивановичу Козырю, его настойчивости, с которой он побуждал меня искать свою нишу в газете.

Отсчет поведу от 22 июня 1941 года. К этому подтолкнуло выступление драматурга Володина по телевидению 9 мая 1998 года. Он говорил, что все его друзья в тот день ЛИКОВАЛИ: ну, и дадим же мы фашистам! Допускаю, что и так могла быть встречена страшная весть. Но, может, в силу своего характера – несколько угнетенного, мнительности, мне свойственной в высшей степени, всяческих комплексов, для меня 22 июня – только обвал, ужас, жизнь сразу резко разделилась на «до» и «после». Хотя, как и у всех, теплилась надежда, по крайней мере, на быстрое окончание войны. Мы же были воспитаны на том, что непобедимы, чужой земли не хотим, но и своей ни пяди не отдадим...

По инерции я еще готовлюсь к последним экзаменам за второй курс пединститута. В зачетной книжке записи: 23-го я сдавала русскую литературу XVIII века, 25-го – старославянский язык. Кто принимал литературу, не помню, фамилии не разберу, а узнать уже не у кого. А язык – Успенский. Всего сданы 6 экзаменов.

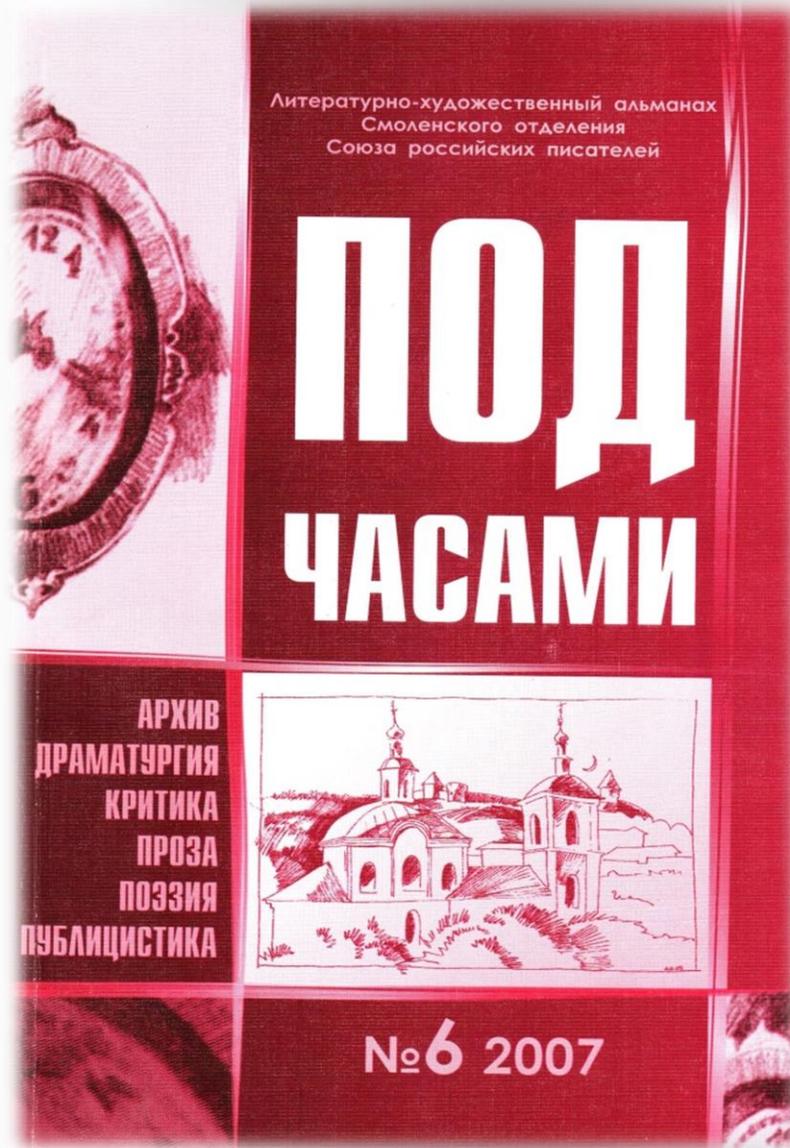
Сперва нас, студентов, посылают дежурить на вокзал, куда уже хлынула целая лавина беженцев, тогда говорили – эвакуированных, совсем новое слово в нашем лексиконе. Мы мало могли им помочь – принести воды, посторожить вещи, у кого они были, посидеть с детьми... Затем весь институт отправляют на рытье противотанковых рвов в Краснинский район. Рвы эти, к сожалению, не задержали ни одного вражеского танка.

Уезжать, бежать наша семья почему-то не помышляла. Скорее всего потому, что мать была секретарем довольно крупной парторганизации на фабрике-кухне и ее обязали остаться и кормить проходящие воинские части. Когда немцы были уже в верхней части города, на отчаянный звонок матери в горком партии был получен все то же ответ – оставаться, не ПАНИКОВАТЬ. Это была грозная формула. А сам секретарь горкома Мозин помчался на восток. Были брошены все документы, все архивы, после войны оказавшиеся аж в Америке и широко потом публикуемые.

Для меня истинным благом явилось решение обкома комсомола о зачислении меня в штат молодежной газеты, в которой до этого я была внештатным членом редколлегии. Ведь редакционных мужчин почти всех призвали в армию.

И сразу же всех перевели на так называемое казарменное положение. Я оказалась здесь – в верхней части города, в Доме печати, мать, отец, сестренка – в За-

Звездаева, В.А. В Вязьме, в сорок первом... – Текст : непосредственный. // Под часами : альманах. – 2007. - № 6. - С. 137 - 139.

В ОСЬМОГО апреля этого года шла обычная телепередача — «Советский Союз глазами зарубежных друзей». Приехавшим в нашу страну задавались традиционные вопросы: что запомнилось? что понравилось? обратило особое внимание?

Одна из туристок — Наталья де Пеня — из Доминиканской Республики, будущий филолог, сказала, что о нашей Родине, в частности, о России, можно говорить только стихами. И по русски прочла вот это:

Все в тающей дымке —
Холмы, перелески...
Здесь краски не ярки
И звуки не резки.
Здесь медленные реки,
Умные озеры,
И все ускользает,
От беглого взора.
Здесь мало увидеть,
Здесь надо рассмотреть,
Чтоб ясно любовь
Наполнило сердце.
Здесь мало услышать,
Здесь слушаться нужно,
Чтоб душу созвучья
Накликнули дружно.
Чтоб вдруг отразили
Бездонные воды
Все прелесть застенчивой
Русской природы.

Стихотворение опубликовано в 1957 году. Я его для себя отметил. Но в чтении человека, едва владеющего русским языком, оно увидело мне по-новому. Я попыталась потренироваться в слух, что было при чтении «Ильянского омута» Константина Паустовского. На склоне дней, объездив всю страну, побывав в одной-двух за границей, в «Ильянском омуте» Константин Голосович исчерпывающе сказал о том, что самая большая его любовь — Россия.

Да я каждый из нас, возвращаясь из дальних стран или с нашего юга, наскучив пересечу пыльной зеленью, яркостью красок, с такой нежной признательностью здоровалась с первой на пути березкой, туманным ельником, петляющей по дугу речушкой, чередованием холмов, перелесков.

Удивительно точен и бережен здесь Н. И. Рыленков в каждом слове. Да, все в нашей России как бы под сурянку, влагоголова, в ней, действительно, «краски не ярки, звуки не резки». Известная загадка русского характера, которую, все может быть, специально

В. ЗВЕЗДАЕВА

ЧТОБ И ПО МНЕ СУДИЛИ О СМОЛЕНСКЕ

12.02.80г.

«ускользает от беглого взора».

А. Т. Твардовский называл нашу, в частности, Смоленскую область «негромкой стороной». Старейший русский писатель, смолянин И. С. Соколов-Микитов видел природу Смоленщины женственной. Рыленков из великого множества определений находит свое. Понять, принять сердцевинную русскую землю возможно только не беглому взору. «Здесь мало увидеть, здесь мало услышать, здесь слушаться нужно». И лишь умом сможем встретиться и вслушаться. Безопрелестно застенчивой Русской природы.

Стихотворение опубликовано в 1957 году. Я его для себя отметил. Но в чтении человека, едва владеющего русским языком, оно увидело мне по-новому. Я попыталась потренироваться в слух, что было при чтении «Ильянского омута» Константина Паустовского. На склоне дней, объездив всю страну, побывав в одной-двух за границей, в «Ильянском омуте» Константин Голосович исчерпывающе сказал о том, что самая большая его любовь — Россия.

Да я каждый из нас, возвращаясь из дальних стран или с нашего юга, наскучив пересечу пыльной зеленью, яркостью красок, с такой нежной признательностью здоровалась с первой на пути березкой, туманным ельником, петляющей по дугу речушкой, чередованием холмов, перелесков.

Удивительно точен и бережен здесь Н. И. Рыленков в каждом слове. Да, все в нашей России как бы под сурянку, влагоголова, в ней, действительно, «краски не ярки, звуки не резки». Известная загадка русского характера, которую, все может быть, специально

Все мне снится: поспевает
На колосьях теплый свет
Так всю жизнь в душе
То, что в детстве полюбила
Скажут: это старомодно!
Все родное нам навеки

Сколько мы читаем стихов-зарисовок, стихов-моментальных снимков. И они имеют право на жизнь. Но только тогда на них ложится отсвет Родины, если есть еще не декларированная любовь к тому, «что в детстве полюбила «когда-то», если для нас «теплый свет заката» не просто время суток, но до щепоты в сердце дорожная примета Родины.

Бесконечно интересно проследить, как не тема, нег, а сущность поэта проявляется с течением лет. Как накопление жизненного опыта, мастерства, требовательности к себе связывается поэтическим словом.

Я помню долг своей
Пред тобой, Россия,
Я не забуду никогда о нем.
Всего, чего просил и
не просил я,
Ты вдоволь мне дела в краю
родном.
Не все, как недо, вышедший
сначала,
Теперь благодарю судьбу
за мою —

Ходить босым по жесткому
Ходить босым по жесткому

Ходить босым по жесткому
Ходить босым по жесткому
Ходить босым по жесткому
Ходить босым по жесткому
Ходить босым по жесткому
Ходить босым по жесткому
Ходить босым по жесткому
Ходить босым по жесткому

Осветит мой виски седые
Лишь твоя певучая струя,
Дай припасть к руке твоей,
Россия,
Бедная забитница моя.

Я помню руки матери моей,
Хотя ее давно уж
нет на свете,
Я рук не знал прежде,
и добрей,
Чем жесткие, мозолистые
эти.

Смотрю на даты написания двух этих стихотворений. Благодарственный гимн материнским рукам написан в 1957 году, сыновье спасибо Родине — в 1965. Не случайно привожу даты. Я думаю, без него, этого стихотворения о матери, не родилось «Дай припасть к руке твоей, Россия». Как свободен, естествен переход от рук матери к рукам Матери-Родины!

В этом стихотворении скажется живописное мастерство поэта. Не первыми полагавшимися словами выйдутся «из грудных глубин» эти благодарные строки. Ибо, действительно, день в наших широтах скрывается в «гуманности росинки». И как это знакомо, и всегда по-новому видится — закаты миг, отплывающие облака края.

Рыленков всегда сдержан в проявлении своих чувств, и раннее всего в любви к Родине. Он находит для ее выражения слова полновесные, всегда обеспеченные душевно. Одно это — вечная забитница моя — немало стоит. Руки Родины — с привкусом соли, запахом сена.

Что значит учиться всю жизнь «жить, как пахарь твой»? Это значит, хвори, возможно, несправедливость, непонимание, следуют древнему завету трудового человека: «Сам помирая, а рожи сей!» То есть работа не только на сегодняшний день, не только во утоление жажды трудится, но и для тех, кто придет после тебя.

Как все выстраивается: желал, высказывал просьбу, буднично, чтобы по нем

ЭТА последняя прозаическая вещь Н. И. Рыленков рассказывает из Крыма, рассказывая среди прочего, о «загадочном трионце Курьянников» — Михаиле Васильевиче Курьянникове. В ней мет и двадцать страниц, но она вобрала в себя столько мыслей, свидетельств, фактов, настроений, что стоит лишь томов.

Один из пластов, составляющих «Элегию», может быть, самый верхний — это разговор о Максимилане Волошином. Последние годы жизни которого так тесно были связаны с Коктебелем, его стихах, которые шел до и свободно цитирует автор. Думаю, не для меня одной М. Волошин мало известен. Один из причин и та, что он почти не издавался с 1919 года.

Д. И. Рыленков «руководил» моим поиском, на протяжении почти десяти лет. Читаю это его произведение и будто снова слышу его голос. Словно вновь побуждает он не протестовать и это имя, вычитая, понаблюдать еще одного поэта...

В нашей областной библиотеке Волошина нет. Пользуясь любовью и помощью Людмилы Сергеевны Доброхотовой и Валентины Васильевны Колькиной выискаваю Волошина в Москве. Увы, теперь присылать только планы. И какая же муза сидит, утнувшись в жалкой, освещенной только напольным экраном. Какая поэзия, что нельзя поддержать в руках саму книжечку, вложить за щеку, чтобы читать, возвращаясь назад, открывать заглавие...

Но вот новость: в стелетинку М. Волошина (род. 16 мая 1877 года) будет издано его избранное.

Второй пласт новой рыленковской вещи — природа в стихах собраны по поводу, кому ничего не стоило, скажем, только пробояк по наному-либо предпринять, тут же и сочинить «оду» в его честь.

Но, может быть, главное, что я вычитываю для себя в «Элегии», в Коктебеле относится не прямо. Главное для меня, что открывает Рыленков и глубоко, и полно, заключается в словах: «Смоленскую отдаю все мои труды и дни, а Коктебелем стал для меня тем же, чем для моих предков было приходское село». А в приходское село мое труды и дни, а Коктебелем стал для меня тем же, чем для моих предков было приходское село. А в приходское село мое труды и дни, а Коктебелем стал для меня тем же, чем для моих предков было приходское село.

«Эта последняя прозаическая вещь Н. И. Рыленков рассказывает из Крыма, рассказывая среди прочего, о «загадочном трионце Курьянников» — Михаиле Васильевиче Курьянникове. В ней мет и двадцать страниц, но она вобрала в себя столько мыслей, свидетельств, фактов, настроений, что стоит лишь томов.

Один из пластов, составляющих «Элегию», может быть, самый верхний — это разговор о Максимилане Волошином. Последние годы жизни которого так тесно были связаны с Коктебелем, его стихах, которые шел до и свободно цитирует автор. Думаю, не для меня одной М. Волошин мало известен. Один из причин и та, что он почти не издавался с 1919 года.

Д. И. Рыленков «руководил» моим поиском, на протяжении почти десяти лет. Читаю это его произведение и будто снова слышу его голос. Словно вновь побуждает он не протестовать и это имя, вычитая, понаблюдать еще одного поэта...

В нашей областной библиотеке Волошина нет. Пользуясь любовью и помощью Людмилы Сергеевны Доброхотовой и Валентины Васильевны Колькиной выискаваю Волошина в Москве. Увы, теперь присылать только планы. И какая же муза сидит, утнувшись в жалкой, освещенной только напольным экраном. Какая поэзия, что нельзя поддержать в руках саму книжечку, вложить за щеку, чтобы читать, возвращаясь назад, открывать заглавие...

Но вот новость: в стелетинку М. Волошина (род. 16 мая 1877 года) будет издано его избранное.

Второй пласт новой рыленковской вещи — природа в стихах собраны по поводу, кому ничего не стоило, скажем, только пробояк по наному-либо предпринять, тут же и сочинить «оду» в его честь.

Но, может быть, главное, что я вычитываю для себя в «Элегии», в Коктебеле относится не прямо. Главное для меня, что открывает Рыленков и глубоко, и полно, заключается в словах: «Смоленскую отдаю все мои труды и дни, а Коктебелем стал для меня тем же, чем для моих предков было приходское село». А в приходское село мое труды и дни, а Коктебелем стал для меня тем же, чем для моих предков было приходское село.

„КОКТЕБЕЛЬСКАЯ ЭЛЕГИЯ“

Поздравить 12 мая 1977г.
Вера ЗВЕЗДАЕВА

«Эта последняя прозаическая вещь Н. И. Рыленков рассказывает из Крыма, рассказывая среди прочего, о «загадочном трионце Курьянников» — Михаиле Васильевиче Курьянникове. В ней мет и двадцать страниц, но она вобрала в себя столько мыслей, свидетельств, фактов, настроений, что стоит лишь томов.

Один из пластов, составляющих «Элегию», может быть, самый верхний — это разговор о Максимилане Волошином. Последние годы жизни которого так тесно были связаны с Коктебелем, его стихах, которые шел до и свободно цитирует автор. Думаю, не для меня одной М. Волошин мало известен. Один из причин и та, что он почти не издавался с 1919 года.

«Эта последняя прозаическая вещь Н. И. Рыленков рассказывает из Крыма, рассказывая среди прочего, о «загадочном трионце Курьянников» — Михаиле Васильевиче Курьянникове. В ней мет и двадцать страниц, но она вобрала в себя столько мыслей, свидетельств, фактов, настроений, что стоит лишь томов.

Один из пластов, составляющих «Элегию», может быть, самый верхний — это разговор о Максимилане Волошином. Последние годы жизни которого так тесно были связаны с Коктебелем, его стихах, которые шел до и свободно цитирует автор. Думаю, не для меня одной М. Волошин мало известен. Один из причин и та, что он почти не издавался с 1919 года.

«Эта последняя прозаическая вещь Н. И. Рыленков рассказывает из Крыма, рассказывая среди прочего, о «загадочном трионце Курьянников» — Михаиле Васильевиче Курьянникове. В ней мет и двадцать страниц, но она вобрала в себя столько мыслей, свидетельств, фактов, настроений, что стоит лишь томов.

Один из пластов, составляющих «Элегию», может быть, самый верхний — это разговор о Максимилане Волошином. Последние годы жизни которого так тесно были связаны с Коктебелем, его стихах, которые шел до и свободно цитирует автор. Думаю, не для меня одной М. Волошин мало известен. Один из причин и та, что он почти не издавался с 1919 года.

«Эта последняя прозаическая вещь Н. И. Рыленков рассказывает из Крыма, рассказывая среди прочего, о «загадочном трионце Курьянников» — Михаиле Васильевиче Курьянникове. В ней мет и двадцать страниц, но она вобрала в себя столько мыслей, свидетельств, фактов, настроений, что стоит лишь томов.

«Эта последняя прозаическая вещь Н. И. Рыленков рассказывает из Крыма, рассказывая среди прочего, о «загадочном трионце Курьянников» — Михаиле Васильевиче Курьянникове. В ней мет и двадцать страниц, но она вобрала в себя столько мыслей, свидетельств, фактов, настроений, что стоит лишь томов.

Один из пластов, составляющих «Элегию», может быть, самый верхний — это разговор о Максимилане Волошином. Последние годы жизни которого так тесно были связаны с Коктебелем, его стихах, которые шел до и свободно цитирует автор. Думаю, не для меня одной М. Волошин мало известен. Один из причин и та, что он почти не издавался с 1919 года.

«Эта последняя прозаическая вещь Н. И. Рыленков рассказывает из Крыма, рассказывая среди прочего, о «загадочном трионце Курьянников» — Михаиле Васильевиче Курьянникове. В ней мет и двадцать страниц, но она вобрала в себя столько мыслей, свидетельств, фактов, настроений, что стоит лишь томов.

Один из пластов, составляющих «Элегию», может быть, самый верхний — это разговор о Максимилане Волошином. Последние годы жизни которого так тесно были связаны с Коктебелем, его стихах, которые шел до и свободно цитирует автор. Думаю, не для меня одной М. Волошин мало известен. Один из причин и та, что он почти не издавался с 1919 года.

«Эта последняя прозаическая вещь Н. И. Рыленков рассказывает из Крыма, рассказывая среди прочего, о «загадочном трионце Курьянников» — Михаиле Васильевиче Курьянникове. В ней мет и двадцать страниц, но она вобрала в себя столько мыслей, свидетельств, фактов, настроений, что стоит лишь томов.

Один из пластов, составляющих «Элегию», может быть, самый верхний — это разговор о Максимилане Волошином. Последние годы жизни которого так тесно были связаны с Коктебелем, его стихах, которые шел до и свободно цитирует автор. Думаю, не для меня одной М. Волошин мало известен. Один из причин и та, что он почти не издавался с 1919 года.

«Эта последняя прозаическая вещь Н. И. Рыленков рассказывает из Крыма, рассказывая среди прочего, о «загадочном трионце Курьянников» — Михаиле Васильевиче Курьянникове. В ней мет и двадцать страниц, но она вобрала в себя столько мыслей, свидетельств, фактов, настроений, что стоит лишь томов.

Один из пластов, составляющих «Элегию», может быть, самый верхний — это разговор о Максимилане Волошином. Последние годы жизни которого так тесно были связаны с Коктебелем, его стихах, которые шел до и свободно цитирует автор. Думаю, не для меня одной М. Волошин мало известен. Один из причин и та, что он почти не издавался с 1919 года.

«Эта последняя прозаическая вещь Н. И. Рыленков рассказывает из Крыма, рассказывая среди прочего, о «загадочном трионце Курьянников» — Михаиле Васильевиче Курьянникове. В ней мет и двадцать страниц, но она вобрала в себя столько мыслей, свидетельств, фактов, настроений, что стоит лишь томов.

Один из пластов, составляющих «Элегию», может быть, самый верхний — это разговор о Максимилане Волошином. Последние годы жизни которого так тесно были связаны с Коктебелем, его стихах, которые шел до и свободно цитирует автор. Думаю, не для меня одной М. Волошин мало известен. Один из причин и та, что он почти не издавался с 1919 года.

«Эта последняя прозаическая вещь Н. И. Рыленков рассказывает из Крыма, рассказывая среди прочего, о «загадочном трионце Курьянников» — Михаиле Васильевиче Курьянникове. В ней мет и двадцать страниц, но она вобрала в себя столько мыслей, свидетельств, фактов, настроений, что стоит лишь томов.

Один из пластов, составляющих «Элегию», может быть, самый верхний — это разговор о Максимилане Волошином. Последние годы жизни которого так тесно были связаны с Коктебелем, его стихах, которые шел до и свободно цитирует автор. Думаю, не для меня одной М. Волошин мало известен. Один из причин и та, что он почти не издавался с 1919 года.

«Эта последняя прозаическая вещь Н. И. Рыленков рассказывает из Крыма, рассказывая среди прочего, о «загадочном трионце Курьянников» — Михаиле Васильевиче Курьянникове. В ней мет и двадцать страниц, но она вобрала в себя столько мыслей, свидетельств, фактов, настроений, что стоит лишь томов.

Один из пластов, составляющих «Элегию», может быть, самый верхний — это разговор о Максимилане Волошином. Последние годы жизни которого так тесно были связаны с Коктебелем, его стихах, которые шел до и свободно цитирует автор. Думаю, не для меня одной М. Волошин мало известен. Один из причин и та, что он почти не издавался с 1919 года.

«Эта последняя прозаическая вещь Н. И. Рыленков рассказывает из Крыма, рассказывая среди прочего, о «загадочном трионце Курьянников» — Михаиле Васильевиче Курьянникове. В ней мет и двадцать страниц, но она вобрала в себя столько мыслей, свидетельств, фактов, настроений, что стоит лишь томов.

Один из пластов, составляющих «Элегию», может быть, самый верхний — это разговор о Максимилане Волошином. Последние годы жизни которого так тесно были связаны с Коктебелем, его стихах, которые шел до и свободно цитирует автор. Думаю, не для меня одной М. Волошин мало известен. Один из причин и та, что он почти не издавался с 1919 года.

Звездаева, В.А. Чтоб и по мне судили о Смоленске. — Текст : непосредственный // Рабочий путь. - 1980. - 12 февраля.

Звездаева, В.А. «Коктебельская элегия. — Текст : непосредственный // Рабочий путь. - 1977. - 12 мая.

Список произведений В.А. Звездаевой

Звездаева, В.А. А было не совсем так : очерк. - Текст : непосредственный // Край Смоленский. - 1994. - № 3-4. - С. 242.

Звездаева, В.А. Березовик - чудо весеннее: рассказ. - Текст : непосредственный // Под часами : альманах / Смоленское отделение Союза писателей. - Смоленск: Смоленская городская типография. - Смоленск: Универсум, 2002. - № 1. - С. 24-31.

Звездаева, В.А. В Вязме, в сорок первом : рассказ. - Текст : непосредственный // Под часами : альманах / Смоленское отделение Союза российских писателей. - Смоленск : Смоленская городская типография. - 2007. - № 6. - С. 132 - 135.

Звездаева, В.А. В Кондрове, летом сорок второго : рассказ. - Текст : непосредственный // Вдохновение. - 1999. - № 1-2. - С. 15.

Звездаева, В.А. Главная профессия : повесть / В.А. Звездаева. - Москва : Молодая гвардия, 1957. - 203 с. - Текст : непосредственный.

Звездаева, В.А. Грачи прилетели : повесть / В.А. Звездаева. - Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1954. - 182 с. - Текст : непосредственный.

Звездаева, В.А. И был ещё театр! : глава из книги «Я - из Смоленска». - Текст : непосредственный // Рабочий путь. - 1980. - 14 июня.

Звездаева, В.А. Крепостная стена - душа Смоленска / В.А. Звездаева // Смоляне : сборник. - Москва : Современник, 1980. - С. 472 - 481. - Текст : непосредственный.

Звездаева, В.А. Моментальные записи. Текст : непосредственный // Вдохновение. - 1999. - № 7-8. - С.14; 1998. - № 9-10. - С. 6; № 5-6. - С.5; № 4. - С.6; 1997. - № 12. - С.6; № 9. - С.8; № 7. - С.5; №1-4.-С.20; 1996. - №11-12.-С.19; №3-4.-С.7.

Звездаева, В.А. Неотосланные письма. - Текст : непосредственный // Под часами. - 2017. - № 16.

Звездаева, В.А. Николай Рыленков / В.А. Звездаева. - Москва : Современник, 1987. - 256 с. - Текст : непосредственный.

Звездаева, В.А. Перемены в Саксонах / В.А.Звездаева. // Страна Приднепровская. - Смоленск, 1988. - С. 65 - 87. - Текст : непосредственный.

Звездаева, В.А. Смоленская книга. - Текст : непосредственный // Край Смоленский. - 1994. - №7-8; № 9-10. - С. 91-117; 1995. -№ 1-2.-С.43; №3-4.-С.41; №5-6. -С.45; №7-8. - С.31-62.

Звездаева, В.А. Человек для людей : роман; Трудно умирать весной : повесть / В.А. Звездаева. - Москва : Московский рабочий, 1970. - 496 с. - Текст : непосредственный.

Звездаева, В.А. Школа : отрывок из «Смоленской книги». -Текст : непосредственный // Вдохновение, 2000. - № 9. - С. 12.

Список литературы о В.А. Звездаевой

Борохов, А О многих, чем о себе. - Текст : непосредственный // Смоленск. - 2001. - № 1. - С. 12-15.

Вера Андреевна Звездаева. - Текст : непосредственный // Знай и люби свой край : библиогр. указ. /сост. А.А. Фролова. - Смоленск. - 1990. - С. 11-12.

Затянувшееся молчание. - Текст : непосредственный // Вдохновение. - 1993. - №3. - С.2-3.

Иванова, В. Смолянка. - Текст : непосредственный // Вдохновение. - 2001. - №1. - С.4.

Скорбные строки. - Текст : непосредственный // Смоленская газета. - 2010. - 10 августа. - № 92. - С.8.

Стеклов, М. Лики времени. - Текст : непосредственный // Вдохновение. - 2000. - № 10. - С.8.

Трофимов И.Т. Звездаева Вера Андреевна. - Текст : непосредственный // Трофимов И.Т. Писатели Смоленщины. - Москва: Московский рабочий, 1973. - С. 262-264.

Трофимов И.Т. Звездаева Вера Андреевна. - Текст : непосредственный // Трофимов И.Т. Писатели Смоленщины: био-библиограф. справочник. - Смоленск : Смоленское книжное издательство, 1959. - С. 222 - 224.

ЗВЕЗДАЕВА
Вера Андреевна

Родилась 31 января 1921 года в г. Смоленске. Окончила среднюю школу и два курса пединститута. Еще в школьные годы начала сотрудничать с молодежными газетами региона. Учась в школе В. А. Зvezдаева начала писать в смоленскую комсомольскую газету «Большевицкая молодежь», а с первых дней войны стала ее постоянным сотрудником.

Участница Великой Отечественной войны. В 1942 году окончила в Москве спецшколу и была заброшена в тыл врага на оккупированную территорию Смоленской области. Боевала в партизанском соединении «Тринадцать» под командованием Героя Советского Союза С. Гришина.

В это время вступила в партию. Боевой путь полка нашел отражение в ее книге «Гришинцы». Редактировала многотиражную газету «Смерть врагам».

После войны окончила курсы журналистов при «Комсомольской правде», факультет русского языка и литературы Московского государственного пединститута им. В.И. Ленина и курсы журналистов при редакции «Комсомольской правды». Работала в редакциях областных газет «Рабочий путь» и «Смена», редактором Смоленского книжного издательства.

Много сил и души Вера Андреевна отдавала работе с молодыми авторами. Она — составитель и редактор сборников молодых поэтов Смоленщины и Российской Федерации.

Первая книга В. А. Зvezдаевой «Грачи прилетели» вышла в 1954 году. Потом увидели свет ее работы «Главная профессия», «Трудно умирать весной», «Человек для людей», «Николай Рыленков», «Смоленская книга». Основные темы творчества Зvezдаевой — история и культура родного края, война, люди труда.

Работы В. А. Зvezдаевой публиковались на страницах журналов «Звезда», «Неман», «Дон», «Край Смоленский», на страницах газет «Смоленские новости», «Рабочий путь», журнала «Годы».

В 1956 году В. А. Зvezдаеву приняли в Союз писателей СССР. С девяностых годов она состояла в Союзе российских писателей, часто выступала перед молодежью, помогала начинающим литераторам и журналистам.

Писательница награждена орденом Отечественной войны II степени и медалью «Партизану Отечественной войны» II степени.

Солдаты Победы. г. Смоленск / ред. кол.: О.В. Окунева, И.А. Исмаилов, Н.К. Бондаренко и др. – Смоленск : Смядынь, 2011. - С. 162-163; 485. - Текст : непосредственный.

ЛАУРЕАТАМИ СТАЛИ...

Под председательством заместителя губернатора Р.И.Захаренковой состоялось заседание совета по присуждению литературных премий имени М.В.Исаковского, учрежденных областной администрацией в связи со 100-летием со дня рождения поэта. Лауреатами премий стали писатели В.А.Зvezдаева, В.А. Сальковский и журналист А.И.Мельник.

Лауреатами стали. - Текст : непосредственный // Вдохновение. - 2000. - №1. - С.2.

Больше о многих, чем о себе

Продолжение. Начало в №12 (201).
СМОЛЕНСКИЙ ПЕНСИОНАТ-ОТДЫХОВЫЙ КОМПЛЕКС

ом вырваться из «сапогов», «частой пикой», бесшабашой. И верить, что в каждой женщине есть черта «мужского духа», тем ты упорнее добиваешься цели...» и «каждый человек оставляет на земле неизгладимый след, будь то перо писателя, будь то кинескоп изобретателя, талант от природы, генетически обусловленная музыкальность. И в тот момент, когда дети брата стали профессиональными музыкантами. А музыка всегда и входит в жизнь девочки Веры: первая опера «Кармен», прослушанная по радио, благославив ее, потому владеет репродуктору, и переезжая в Смоленскую летнюю «казарму» князя Игоря».

Возвращаясь к брату матери Ю.И. Ольховскому, можно сказать, автор открывает его нынешнему поколению смысл, хотя оно знает, что более скорого лет своей жизни отдал музыкальному воспитанию смоленских детей, основан в Смоленске в 1918 году народную консерваторию, позже техникум, давшую музыкальную школу имени М.И. Глинки. А ведь и мемориальная доска над этим зданием! Вот так власть мимолетно воздает дань тем, кто сделал добро не днями, но навсегда, и для их детей — а для многих, как они часто любят говорить, для народа. И многие годы, отплатив народом от его подарков. А потому, что любят свой. Веря верно в себя!

Писательница находит теплые слова о школьных учителях Пене, среди них одной верная был и Ю. Ольховский. И еще одной яркой смоленской личности — о старом знакомце, кинематограф Иван Иванович Киселевич. Ему писательница обратила внимание на историю отношений Н.И. Чаковского с Надеждой Филаретовной Фом. Мех, оказывается, смольняк, «на обещавшей помешавшейся семье и терпимый близкий человек: был арестован и убит, только в 1937 году муж старшей сестры отца полков Валентинова, тяжелой оказалась судьба и дядьки Семена. И снова о музыке и песне. О них особенно, они, как и книги, входили в жизнь Веры Колосовой. И расставание с ней — драма. А что иначе: «Ради матери мой отец оставил семью — жену и пятерых детей». И снова не сын Слава. История его становления из санжонка в михайлов, при поддержке трогательная. И поучительная желани-

ю. И верно сказанное другим великим — Фредериком Жолио-Кюри: «Каждый человек оставляет на земле неизгладимый след, будь то перо писателя, будь то кинескоп изобретателя, талант от природы, генетически обусловленная музыкальность. И в тот момент, когда дети брата стали профессиональными музыкантами. А музыка всегда и входит в жизнь девочки Веры: первая опера «Кармен», прослушанная по радио, благославив ее, потому владеет репродуктору, и переезжая в Смоленскую летнюю «казарму» князя Игоря».

Возвращаясь к брату матери Ю.И. Ольховскому, можно сказать, автор открывает его нынешнему поколению смысл, хотя оно знает, что более скорого лет своей жизни отдал музыкальному воспитанию смоленских детей, основан в Смоленске в 1918 году народную консерваторию, позже техникум, давшую музыкальную школу имени М.И. Глинки. А ведь и мемориальная доска над этим зданием! Вот так власть мимолетно воздает дань тем, кто сделал добро не днями, но навсегда, и для их детей — а для многих, как они часто любят говорить, для народа. И многие годы, отплатив народом от его подарков. А потому, что любят свой. Веря верно в себя!

Писательница находит теплые слова о школьных учителях Пене, среди них одной верная был и Ю. Ольховский. И еще одной яркой смоленской личности — о старом знакомце, кинематограф Иван Иванович Киселевич. Ему писательница обратила внимание на историю отношений Н.И. Чаковского с Надеждой Филаретовной Фом. Мех, оказывается, смольняк, «на обещавшей помешавшейся семье и терпимый близкий человек: был арестован и убит, только в 1937 году муж старшей сестры отца полков Валентинова, тяжелой оказалась судьба и дядьки Семена. И снова о музыке и песне. О них особенно, они, как и книги, входили в жизнь Веры Колосовой. И расставание с ней — драма. А что иначе: «Ради матери мой отец оставил семью — жену и пятерых детей». И снова не сын Слава. История его становления из санжонка в михайлов, при поддержке трогательная. И поучительная желани-

ю. И верно сказанное другим великим — Фредериком Жолио-Кюри: «Каждый человек оставляет на земле неизгладимый след, будь то перо писателя, будь то кинескоп изобретателя, талант от природы, генетически обусловленная музыкальность. И в тот момент, когда дети брата стали профессиональными музыкантами. А музыка всегда и входит в жизнь девочки Веры: первая опера «Кармен», прослушанная по радио, благославив ее, потому владеет репродуктору, и переезжая в Смоленскую летнюю «казарму» князя Игоря».

Возвращаясь к брату матери Ю.И. Ольховскому, можно сказать, автор открывает его нынешнему поколению смысл, хотя оно знает, что более скорого лет своей жизни отдал музыкальному воспитанию смоленских детей, основан в Смоленске в 1918 году народную консерваторию, позже техникум, давшую музыкальную школу имени М.И. Глинки. А ведь и мемориальная доска над этим зданием! Вот так власть мимолетно воздает дань тем, кто сделал добро не днями, но навсегда, и для их детей — а для многих, как они часто любят говорить, для народа. И многие годы, отплатив народом от его подарков. А потому, что любят свой. Веря верно в себя!

Встречи с интересными людьми

них ответил: «Пела, выи украинские, «Катюшу». И писательница заключает, что «это помогало не потерять чувств неразрывности с родиной, по-прежнему ни словом, ни делом, ни взглядом не выдать вынашиваемых с самого начала, как окупилась у Блазова, решения все равно прийти к своему, сметь позор даже только пассивным пребыванием в зной, с позволения сказать, освободительной армии. «Эти и ответ тем, кто в наше время пытается обмануть родителей, если даже искать им оправдание якобы в борьбе со сталинизмом...»

«Волнением конечно читать главу «Школа», потому что это та школа, в которой, как уже сказано вначале, и учился парад, войны. Пусть всего один год. А Вера Колосова 10 лет. «Моя лучшая в человеческой жизни», «Добавлю, если это Школа с большой буквы. А она такой и была. Поэтому и самый большой рассказ о ней. Из всех глав книг. Но до школы надо добираться. И Вера Звездаева замечает по поводу переименования улиц, по которым она ходила в школу. Писательница замечает на Декабристов, а последнюю — на Маршала Тукачевского. «Все эти названия смелые, смелые, хорошие, только зачем бы их обуржуазить на одно и то же место? Дорого сказано! Но вот и она — Третий средняя трудовая школа имени Чаковского».

И снова о Смоленске 20-30-х годов: о длительных, безадачных поездках за хлебом по коротким по 3-4-8 часов. А потому открытые позавтракам немцами, лучше школы кондитерской воспринимаются как чудо. Но для пирожных приходилось одалживать деньги у подружки, «денег у меня никогда нет». И здесь мельком, но интересное воспоминание о Н.И. Рыленкове: «он никогда не одолживал, даже когда приходилось есть один булочки, проносимая им у смеющейся байки»: «Что значит одалживать деньги? Берешь чужие, да и на время, а отдаешь свои и навсегда». Скажу от себя: кажется, из А.Н. Острожского...»

И страницы о первой, детской, затем девичьей, но все еще школьной влюбленности. И попутно читатель узнает (вспомнит, в свое, давнее знание) — наша героиня от рождения страда-

Встречи с интересными людьми

ет болезнью крови, повышенной кроветворностью, по-нашему Бюргер-Вертгоф: «только догрести себя — дышать». И тут же думается, куда бы не переехал дедушка идти с этой болезнью на войну, в партизаны, на фронт...»

И снова, снова — от класса к классу о новых учителях, о разных годах обучения, о разном классе и применении «соперник», о школьных вехах, вехах. «Все мы прошли через школу, ту или другую, все запоминает нам эти даты и события, и даже в старости мы «вкраплене» о жестокости, предательстве: школьный преподаватель физкультуры в войну становится разведчиком. «Мы с ним встретились после 1940 года во вражеском тылу. Был тяжело ранен в обе ноги, брошен, казнили бы, ближайшим товарищем и застрелили». Казалось бы! Их немалая и не на войне, скорее «жестокость». И возвращаясь к музыке, песне. Воспоминание о довоенном еще студенчестве, полюбившем Владимиру Колеву, Утесову. «Впрочем, стоп, — не могла бы сейчас слушать не только колыбельные песни, но не стала бы воспринимать и Утесова? И вечно «просто на безрыбье и как рыба». Думаю, не каждый из наших со Звездаевой поколения с этим согласится. Я не согласна. Но ведь у каждого свое восприятие. По мне, Утесов — это эпоха в песне. И в нежность от одноклассников. И трагическую умилку из них судьбу. И как бы подтверждение ранее сказанному: «Все люди!» Можно было бы с большой буквы. Вот они: Люся Гитин погиб в Ленинградском блокаде. Анна Петровна (и тот и другая — абсолютные отличники) — лучшая шахматистка города среди школьниц, оказалась в оккупации, стыдился

делит, бывает, путь чуть ли не для всех своих учеников. И так в 3-й школе, в нашей школе, и было большинство». Но как бы не была нереальной географичка, в Вере рождается интерес к географическим картам, к тому, что на них, прежде всего к деревням. Но тут оскороет от матери: «Иногда обожарилась на географические карты. Интересное замечание: в отличие от городов и улиц, многие из которых бездумно переименовывались, деревня, наряду с названием рек, единственно, чего еще не коснулся переименовательский зуд». Скажем от себя, почти не коснулся.

И слова о Смоленске 20-30-х годов: о длительных, безадачных поездках за хлебом по коротким по 3-4-8 часам. А потому открытые позавтракам немцами, лучше школы кондитерской воспринимаются как чудо. Но для пирожных приходилось одалживать деньги у подружки, «денег у меня никогда нет». И здесь мельком, но интересное воспоминание о Н.И. Рыленкове: «он никогда не одолживал, даже когда приходилось есть один булочки, проносимая им у смеющейся байки»: «Что значит одалживать деньги? Берешь чужие, да и на время, а отдаешь свои и навсегда». Скажу от себя: кажется, из А.Н. Острожского...»

И страницы о первой, детской, затем девичьей, но все еще школьной влюбленности. И попутно читатель узнает (вспомнит, в свое, давнее знание) — наша героиня от рождения страда-

Встречи с интересными людьми

ет болезнью крови, повышенной кроветворностью, по-нашему Бюргер-Вертгоф: «только догрести себя — дышать». И тут же думается, куда бы не переехал дедушка идти с этой болезнью на войну, в партизаны, на фронт...»

И снова, снова — от класса к классу о новых учителях, о разных годах обучения, о разном классе и применении «соперник», о школьных вехах, вехах. «Все мы прошли через школу, ту или другую, все запоминает нам эти даты и события, и даже в старости мы «вкраплене» о жестокости, предательстве: школьный преподаватель физкультуры в войну становится разведчиком. «Мы с ним встретились после 1940 года во вражеском тылу. Был тяжело ранен в обе ноги, брошен, казнили бы, ближайшим товарищем и застрелили». Казалось бы! Их немалая и не на войне, скорее «жестокость». И возвращаясь к музыке, песне. Воспоминание о довоенном еще студенчестве, полюбившем Владимиру Колеву, Утесову. «Впрочем, стоп, — не могла бы сейчас слушать не только колыбельные песни, но не стала бы воспринимать и Утесова? И вечно «просто на безрыбье и как рыба». Думаю, не каждый из наших со Звездаевой поколения с этим согласится. Я не согласна. Но ведь у каждого свое восприятие. По мне, Утесов — это эпоха в песне. И в нежность от одноклассников. И трагическую умилку из них судьбу. И как бы подтверждение ранее сказанному: «Все люди!» Можно было бы с большой буквы. Вот они: Люся Гитин погиб в Ленинградском блокаде. Анна Петровна (и тот и другая — абсолютные отличники) — лучшая шахматистка города среди школьниц, оказалась в оккупации, стыдился

делит, бывает, путь чуть ли не для всех своих учеников. И так в 3-й школе, в нашей школе, и было большинство». Но как бы не была нереальной географичка, в Вере рождается интерес к географическим картам, к тому, что на них, прежде всего к деревням. Но тут оскороет от матери: «Иногда обожарилась на географические карты. Интересное замечание: в отличие от городов и улиц, многие из которых бездумно переименовывались, деревня, наряду с названием рек, единственно, чего еще не коснулся переименовательский зуд». Скажем от себя, почти не коснулся.

И слова о Смоленске 20-30-х годов: о длительных, безадачных поездках за хлебом по коротким по 3-4-8 часам. А потому открытые позавтракам немцами, лучше школы кондитерской воспринимаются как чудо. Но для пирожных приходилось одалживать деньги у подружки, «денег у меня никогда нет». И здесь мельком, но интересное воспоминание о Н.И. Рыленкове: «он никогда не одолживал, даже когда приходилось есть один булочки, проносимая им у смеющейся байки»: «Что значит одалживать деньги? Берешь чужие, да и на время, а отдаешь свои и навсегда». Скажу от себя: кажется, из А.Н. Острожского...»

И страницы о первой, детской, затем девичьей, но все еще школьной влюбленности. И попутно читатель узнает (вспомнит, в свое, давнее знание) — наша героиня от рождения страда-

Встречи с интересными людьми

ет болезнью крови, повышенной кроветворностью, по-нашему Бюргер-Вертгоф: «только догрести себя — дышать». И тут же думается, куда бы не переехал дедушка идти с этой болезнью на войну, в партизаны, на фронт...»

И снова, снова — от класса к классу о новых учителях, о разных годах обучения, о разном классе и применении «соперник», о школьных вехах, вехах. «Все мы прошли через школу, ту или другую, все запоминает нам эти даты и события, и даже в старости мы «вкраплене» о жестокости, предательстве: школьный преподаватель физкультуры в войну становится разведчиком. «Мы с ним встретились после 1940 года во вражеском тылу. Был тяжело ранен в обе ноги, брошен, казнили бы, ближайшим товарищем и застрелили». Казалось бы! Их немалая и не на войне, скорее «жестокость». И возвращаясь к музыке, песне. Воспоминание о довоенном еще студенчестве, полюбившем Владимиру Колеву, Утесову. «Впрочем, стоп, — не могла бы сейчас слушать не только колыбельные песни, но не стала бы воспринимать и Утесова? И вечно «просто на безрыбье и как рыба». Думаю, не каждый из наших со Звездаевой поколения с этим согласится. Я не согласна. Но ведь у каждого свое восприятие. По мне, Утесов — это эпоха в песне. И в нежность от одноклассников. И трагическую умилку из них судьбу. И как бы подтверждение ранее сказанному: «Все люди!» Можно было бы с большой буквы. Вот они: Люся Гитин погиб в Ленинградском блокаде. Анна Петровна (и тот и другая — абсолютные отличники) — лучшая шахматистка города среди школьниц, оказалась в оккупации, стыдился

делит, бывает, путь чуть ли не для всех своих учеников. И так в 3-й школе, в нашей школе, и было большинство». Но как бы не была нереальной географичка, в Вере рождается интерес к географическим картам, к тому, что на них, прежде всего к деревням. Но тут оскороет от матери: «Иногда обожарилась на географические карты. Интересное замечание: в отличие от городов и улиц, многие из которых бездумно переименовывались, деревня, наряду с названием рек, единственно, чего еще не коснулся переименовательский зуд». Скажем от себя, почти не коснулся.

И слова о Смоленске 20-30-х годов: о длительных, безадачных поездках за хлебом по коротким по 3-4-8 часам. А потому открытые позавтракам немцами, лучше школы кондитерской воспринимаются как чудо. Но для пирожных приходилось одалживать деньги у подружки, «денег у меня никогда нет». И здесь мельком, но интересное воспоминание о Н.И. Рыленкове: «он никогда не одолживал, даже когда приходилось есть один булочки, проносимая им у смеющейся байки»: «Что значит одалживать деньги? Берешь чужие, да и на время, а отдаешь свои и навсегда». Скажу от себя: кажется, из А.Н. Острожского...»

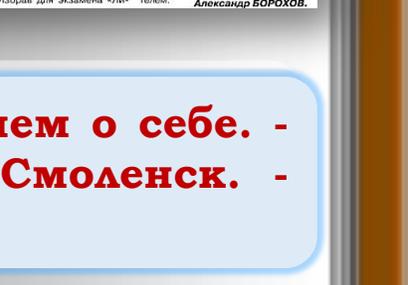
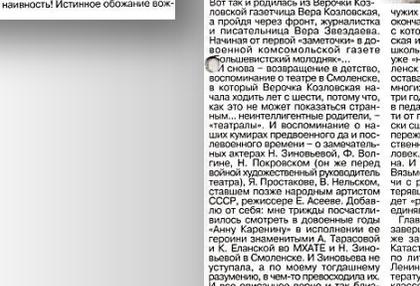
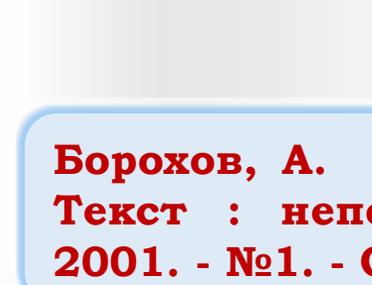
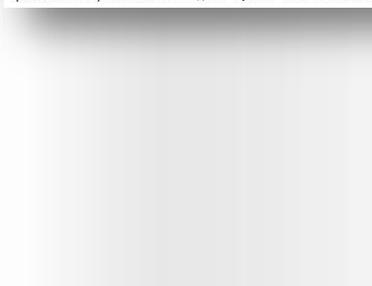
И страницы о первой, детской, затем девичьей, но все еще школьной влюбленности. И попутно читатель узнает (вспомнит, в свое, давнее знание) — наша героиня от рождения страда-

На съезде писателей в Михайлове

В. Савельева, Н. Савельева, Н.А. Толстая, В. Звездаева

Борохов, А. Больше о многих, чем о себе. Текст : непосредственный // Смоленск. - 2001. - №1. - С.12 - 13.

Борохов, А. Больше о многих, чем о себе. - Текст : непосредственный // Смоленск. - 2001. - №1. - С.14 - 15.

Борохов, А. Больше о многих, чем о себе. - Текст : непосредственный // Смоленск. - 2001. - №1. - С.14 - 15.

И НЕТ ДРЕВНЕЕ

Эссе

Памяти матери моей —
Ксении Александровны Козловской

Горе лучше переживать в одиночку. По крайней мере это справедливее по отношению к самым твоим близким. Вот счастье надо обязательно разделить между всеми — и близкими, и дальними. Чтоб от твоей удачи, успеха ли, от того, главное, что поработал на славу, — кругом стало радостно.

Но в тот день горе надавило так сильно, что даже вздохнуть вольно никак не удавалось.

86

Я знаю способ, как не то чтобы избыть горе, но хоть утишить его, отодвинуть. Нужно, если, хоть малейшая возможность, уйти куда-нибудь подальше. Идти долго-долго, идти до такой усталости, когда она потеснит черные мысли, когда остановка, отдых станут великим наслаждением.

Иду по-над Днепром. Все мои тяготы давят на плечи, как самая тяжелая ноша. Но я замечаю, пока так, мельком, текучую живую воду. И уже тешу себя, что если бы жить где-либо у самой воды, я была бы намного счастливее. Ну, пусть и не счастливее, так спокойнее. Встать поутру, когда еще туман — играет, рассеивается, уходит. Потом все заискрится, вспыхнет под солнцем. А еще через какое-то мгновение опять все новое, не такое, не прежнее.

Завидую даже тем, кому из окон видать пруд в Лопатинском саду. Если смотреть на него с улицы, противоположный недалекий берег покажется и дальше, и таинственнее. И попросту забудешь, что за купой деревьев всего-навсего танцплощадка. И грустно, и сладостно, и покойно по осени увидать: вот оторвался от ветки кленовый лист. Остановился на секунду. Потом медленно-медленно поплыл, заскользил в воздухе. И распластался на воде во всей своей красе — затейливо вырезанный, еще по-живому яркий.

Где берег Днепра зарос олешиником, русло прямее, глубже. Где он оголен, каждое половодье вешние воды подмывают и подмывают его все сильнее. И этот заливной, поемный луг, по кромке которого я иду, между Днепром и линией железной дороги, становится год от года все уже и уже.

Я люблю этот луг, как если бы это было осмысленное существо. Он необыкновенно, незнакомо красив ранней весной.

Небесные кони: проза, стихи / ред.-сост. Н. Семенова, Ю. Пашков, А. Мишин. – Москва : ВБПХА (Смоленское отделение), книжное издательство «Смядынь», 1993. - С. 86-87. - Текст : непосредственный.

ЗВЕЗДАЕВА Вера Андреевна (род. 31.I.1921, Смоленск), писатель, краевед, член Союза советских писателей (1956 г.), делегат учредительного съезда писателей Российской Федерации, лауреат премии М. В. Исаковского (2000 г.). Участница Великой Отечественной

В. Звездаева и Н. Семенова. Фотография из архива литературного музея СГПУ

войны. Окончила спецшколу (1942 г.) и была направлена в партизанский отряд. Воевала в партизанском полку (до 1944 г.) под командованием Героя Советского Союза С. Гришина (см.). Боевой путь полка нашел отражение в ее книге «Гришинцы» (Смоленск, 1958 г., в соавторстве с М. К. Киреевым). Окончила курсы журналистов при «Комсомольской правде» (1945 г.), факультет русского языка и литературы Московского государственного пединститута им. В. И. Ленина (заочно, 1948 г.). Работала в редакциях газет «Рабочий путь» и «Смена», редактором Смоленского книжного издательства (1952—65 гг.). Много сил и души отдавала работе с молодыми авторами. Составитель и редактор сборников молодых поэтов Смоленщины и Российской Федерации. Первая книга З. вышла в 1954 г. Основные темы творчества З. — история и культура родного края, война, люди труда. Публиковалась на страницах журналов «Звезда», «Неман», «Дон», «Край Смоленский». Здесь напечатана

Смоленская область : энциклопедия. - Т. 1. Персоналии / ред. кол.: Антощенко В.Ф., Беляев И.Н., Бетремеев А.Е. и др. – Смоленск : СГПУ, 2001. - С. 94 - 95. - Текст : непосредственный.

ВЕРА АНДРЕЕВНА

К юбилею областной писательской организации

Звездаеву на Смоленщине знали очень многие. Некоторые путали её с Цветаевой, когда та вышла из-под запрета, что вызывало у Веры Андреевны улыбку.

Непреклонность, прямота, принципиальность восхищали одних и раздражали других. Промежуточные варианты отсутствовали. Боялись Звездаевой лстыцы, глупцы, подлещи, пустозвоны. Побаивались все.

Впервые я встретилась с ней осенью 1963 года в Союзе писателей, куда пригласили членов литобъединения «Радуга», работавшего при областной молодёжной газете «Смена». Пришли мы туда вместе с нашим руководителем Павлом Ульяшовым.

«Творчество молодых поэтов – студента Льва Беринского, военнослужащего Виктора Широкова, комсомольского работника Алексея Мишина, школьницы Раи Ипатовой и других обсуждалось на очередном литературном «четверге» в Смоленском отделении Союза писателей. Это был добро-

желательный, полезный разговор старших с младшими. Начинающих литераторов тепло приветствовал поэт Николай Рыленков.

«Радуга» взяла верный маршрут – в гущу жизни». Это фрагмент из материала Юрия Пашкова «Маршруты поэзии», опубликованного в «Комсомольской правде» 27 ноября 1963 года.

В знаменитой писательской комнатке в Доме книги бывала потом не раз, но та встреча запомнилась не только как первая, а как значимая – я познакомилась с Николаем Ивановичем и Верой Андреевной. Виделись мы с нею часто: писатели не отгораживались от литературного актива, заботились о смене. Кто-то делал это формально, иногда ставились явно несправедливые оценки и совершались неблагоприятные поступки: отдельные бойцы идеологического фронта не отличались порядочностью.

В 1991 году Союз советских писателей, в котором с 1956 года состояла В. А. Звездаева, прекратил существование. Появилась Смоленская областная организация Союза российских писателей во главе с Леонидом Ивановичем Козырем, и Вера Андреевна стала членом СРП. 22 октября того же года меня приняли в Союз российских писателей, и мы оказались в более тесной общности, одном творческом Союзе.

Звездаева, внешне строгая и суровая, была увлекающейся и эмоциональной. Обожала читать. До последних дней. Сотрудницы областной библиотеки носили ей книги и журналы буквально пачками. Никогда не разделяла людей по социальному или национальному признаку, но не скрывала: для неё родившиеся в Смоленске входили в особую касту. Лучшим своим произведением считала «Смоленскую книгу», потому что главной любовью Веры Андреевны был родной город. Подобного гимна любви пока никто не создал.

В.А.Звездаева

В. Звездаевой

*Деревья не жёлты, а рыжи.
Туман так же горек, как дым.
Чем дальше начало, тем ближе
Свидание с чем-то иным.*

*Хоть годы вязанкой не скину,
Из сердца не выгребли жар,
И значит, прямиль надо спину,
Земной своей перпендикуляр.
8, 21 сентября 1998 г.*

Она сразу восприняла концовку стихотворения как девиз, нередко цитировала понаравнившиеся две строчки, утверждая, что всегда старается держать спину прямо. Очевидно, что речь шла совсем не о спине, а о жизненной позиции. Отстаивать демократические и гуманитарные ценности, отказавшись от коммунистических лозунгов, разве так просто? У немногих ровесников (а отпущено было Вере Андреевне восемьдесят девять лет), да и более молодых находили поддержку такие взгляды.

Но Звездаева была бойцом. Школьницей печаталась в «Большевистской молодёжи», а с первых дней войны стала штатным сотрудником газеты. В довоенное время – два курса пединститута, в военное – спецшкола, и Веру Козловскую забрасывают в тыл врага. Два года она воевала в партизанском соединении под командованием Героя Советского Союза С.В. Гришина. О Сергее Владимировиче всегда говорила возвышенно и благодарно. Истории особого партизанского соединения «Тринадцать» посвящён документальный очерк В. А. Звездаевой «Гришинцы», написанный в соавторстве с М.К. Киряевым и изданный Смоленским книжным издательством в 1958 году. Там же вышла первая её книга «Грачи прилетели» (1954).

Название повести «Трудно умирать весной» афористично. Умерла писательница не весной, а жарким летом, 7 августа...

Памяти
В.А.Звездаевой

*Зимой хожу почти ежедневно
В шарфе, подаренном
Верой Андреевной.*

*В том, что немоден,
он не виновен –
Старое часто
встречается в нови.*

*Козьего пуха, щекочет мне шею.
Справиться с этой проблемой
умею.*

*Шарф полосатый – источник тепла:
Деточкой Вера Андреевна звала.*

*Как пригодился бы шарф
ей самой
Той партизанской
студёной зимой!*

3 декабря 2010 г.

Филологическое образование она получила заочно в знаменитом Московском государственном педагогическом институте имени В.И. Ленина.

Повести и рассказы В.А. Звездаевой печатались в Смоленске, Москве, Минске, других городах СССР. Закончив курсы журналистов при «Комсомольской правде», с 1945 по 1951 годы работала в областной газете «Рабочий путь», затем в газете «Смена». С 1952 по 1965 годы была редактором Смоленского книжного издательства, где в полной мере проявился дар Веры Андреевны чувствовать слово, требовательно и чутко относиться к авторам.

К сожалению, Союзу российских писателей не удалось добиться справедливости – звания Почёт-

ного гражданина города-героя Смоленска В.А. Звездаеву не удостоили. Другие награды есть. В том числе и два звания лауреата: литературной премии имени М.В. Исаковского и литературной премии имени А.Т. Твардовского.

*Когда начнет мой разум таять,
Когда и чудо не спасёт,
Куда слабеющая память
Меня от страха уведёт?*

*Каким виденьем озадачит,
Не объясняя ничего:
Из мира старческих чудачеств,
Раздолья детства моего?*

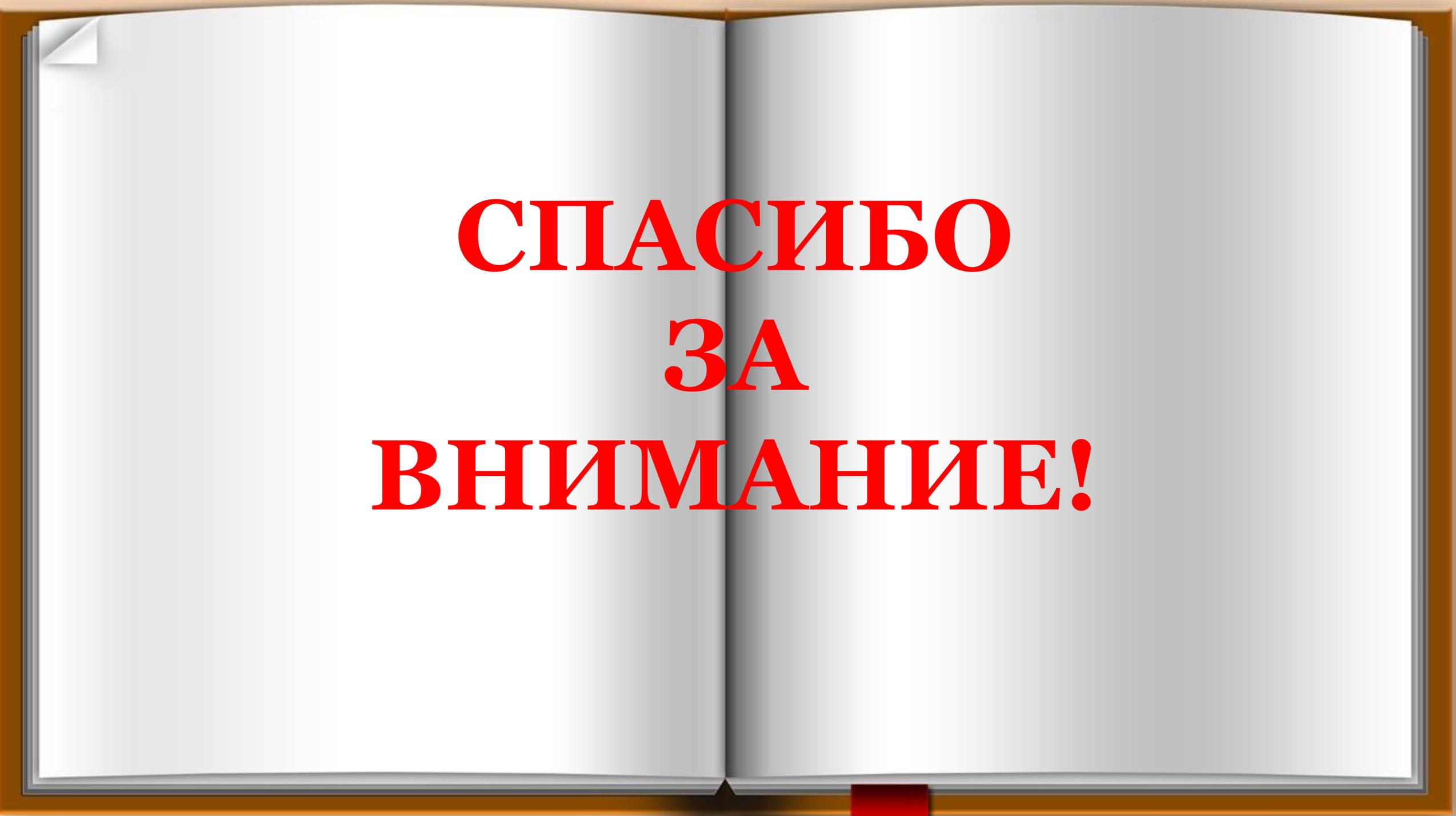
*Кто с губ сотрёт случайный иней
И что опять поднимет ввысь?
Но снова на меня нахлынет
Огромно маленькая жизнь.*

17 декабря 1968 г.

Когда-то, прочитав это моё стихотворение, Вера Андреевна попросила разрешения назвать последней строчкой будущее произведение. Я позволила, однако ни рассказа, ни повести с таким названием она почему-то не написала.

Но прожила огромно маленькую жизнь.

Ипатова, Р. Вера Андреевна. - Текст : непосредственный // Смоленск. - 2014. - № 5. - С. 36 - 37.

**СПАСИБО
ЗА
ВНИМАНИЕ!**